

Н. Н. Зипунникова*

**К ВОПРОСУ О ТРАДИЦИЯХ
ФОРМИРОВАНИЯ ЮРИДИЧЕСКОГО КОРПУСА
(обзор новых изданий по истории подготовки юристов в России)**

В работе представлен обзор изданий по истории подготовки юристов в России, опубликованных в РФ в последние годы и представляющих интерес для широкого круга читателей.

Ключевые слова: юридическое образование, история, обзор, традиции

This article presents an overview of publications on the history of education of lawyers in Russia, published in Russia in recent years and useful for many people.

Key words: legal education, history, overview, traditions

Исследовательский интерес к опыту, накопленному российской высшей юридической школой, можно охарактеризовать как устойчивый. Об этом свидетельствуют и многочисленные публикации в профессиональной периодике, и монографические издания, появляющиеся в разнородном по качеству литературно-издательском потоке. Тезис о том, что «правовую культуру созидают не законодатели и не юридические факультеты», почерпнутый из большой работы В. Н. Синюкова¹, заставил снова задуматься на эту тему, но ни в коей мере не поколебал уверенности в значимости институций образования и науки для формирования юриста-профессионала. Известный правовед отмечает, в частности, что профессиональное юридическое образование – частный элемент правовой культуры юриста, «строить на нем юридические профессии – недопустимый образовательный позитивизм, выхолащивающий их смысл». Более того, по мнению автора, юридическая профессия не может быть «рабыней узкого юридического образования». «Формирование профессионального юридического образования исключительно в конструкциях права, законодательства и судебной практики ведет к неустойчивости принципиально важной человеческой компоненты правопорядка», – продолжает автор, рассуждая об «удивительной внутренней целостности» профессиональной правовой культуры, ее независимости от меняющихся государственных приоритетов. В работе автор ставит действительно актуальную проблему узости юридического образования.

Представляется, тем не менее, что зарождение и последующее формирование юридических знаний, их трансляция, особенности подготовки юристов и юридического образования вплетены в ткань развивающейся правовой системы и правовой культуры общества, страны. Собственно, разнообразие исторически сформировавшихся моделей юридического образования дополняет в известном смысле и характеристику многоцветия правовых систем и правовых культур. Знакомство с насущными проблемами современного юридического образования в России и погружение в его историю актуализируют рефлексию по поводу того, все ли «новое – хорошо забытое старое» и возможны ли образовательные инновации без знания и учета традиций. Способствуют плодотворности рефлексии, на наш взгляд, значительные исследовательские усилия, отраженные в ряде новых изданий на эту тему.

* Зипунникова Наталья Николаевна – кандидат юридических наук, доцент кафедры истории государства и права Уральской государственной юридической академии (Екатеринбург). E-mail: zipunnikowa@yandex.ru.

¹ Синюков В. Н. Российская правовая система. М., 2010. 2-е изд., доп. С. 611–613.

В монографии Ю. Г. Галай, посвященной университетскому юридическому образованию императорской России¹, обозначена генеральная цель — «комплексное исследование закономерностей развития юридического образования и системы присвоения ученых степеней магистра и доктора права в изучаемый период». Определены и задачи, направленные на ее достижение, среди которых особо обратим внимание на «определение места и роли юридического образования в государственной структуре XVIII — начала XX в.» (с. 7). Ограничение исследования университетским образовательным пространством, когда не рассматривается опыт иных учебных заведений, осуществлявших подготовку юристов в указанный период, имеет немалую традицию, поскольку, как известно, постепенно создававшийся сектор высшего образования в России был «университеточентричным». Университетская жизнь, отмечают ученые, выделялась в отдельную сферу общественного бытия, специфика этого социального института была очевидна даже применительно к остальным вузам страны². Более того, преподавание права в университетах Европы емко охарактеризовано как один из элементов западной традиции права³, о влиянии которой на становление российского юридического образования и науки имеются зарисовки в монографии профессора Ю. Г. Галай.

Работа состоит из двух основных частей, что обусловлено ее целью: первая глава посвящена «государственно-правовому регулированию юридического образования», вторая — системе подготовки преподавательских кадров высшей квалификации. В традиционном ключе, с опорой на обширный круг литературных источников и отдельные нормативные акты, автор характеризует период XVIII столетия как этап «становления отечественного юридического образования» (п. 1.1). Показаны трудности вызревания теоретического системного знания и особенностей университетской подготовки (в Академическом и Московском университетах) юристов в условиях известного противостояния с традиционной практической — «дьяческой» — юриспруденцией. Этапы правительственной политики в области юридического образования в XIX — начале XX в. ученый, в соответствии с уже общепринятым в историографии подходом, связывает с университетскими уставами, давно получившими характеристику верстовых столбов в истории университетов. Так, «четвертым модернизационным этапом правительственной политики», ее «четвертым поворотом» автор называет Общий устав российских императорских университетов 1884 г., действовавший до 1917 г. (с. 93, 274). Говоря о «главных университетских законах», заметим, что в работе использован термин «университетский устав» и применительно к «этапу становления», что также встречается в ряде работ, но назван таковым некий университетский устав 1780 г., который «строго регламентировал ответственность в отношении провинившихся студентов» (с. 39).

Характеризуя политику в области подготовки юридических кадров, автор называет ее и развитие отечественного законодательства «взаимосвязанными составными элементами единого процесса развития Российской государственности» (с. 61). Обращается он и к идеологической составляющей политики. Так, курс правительства Николая I и министра народного просвещения С. Уварова характеризуется как реакционный (с. 63 и далее), а устав университетов 1835 г. как «авторитарный» (с. 208). Оценивая устав 1884 г., особенно в сравнении с предшествующим уставом 1863 г., автор, вслед за многими исследователями, рассуждает о правительственном, министерском влиянии на университеты (с. 96–97 и далее). Анализируя особенности и тенденции в развитии университетской подготовки юридических кадров, ученый призывает к более рельефному,

¹ Галай Ю. Г. Подготовка юристов в университетах Российской империи. Н. Новгород, 2011. 310 с.

² Дмитриев А. По ту сторону «университетского вопроса»: правительственная политика и социальная жизнь российской высшей школы (1900–1917 гг.) // Университет и город в России (начало XX века). М., 2009. С. 105.

³ Берман Г. Дж. Западная традиция права: эпоха формирования / пер. с англ. 2-е изд. М., 1998. С. 127.

не «черно-белому» рассмотрению общего исторического контекста, в котором и происходят обозначенные события и процессы в области юридического образования (с. 77).

Примечательно, что один из параграфов монографии посвящен проблемам юридического образования и рефлексии по этому поводу правоведов и педагогов — участников тех событий. Своеобразной «увертюрой» к параграфу является утверждение, что «у наших современников сложилось твердое и устойчивое убеждение о высоком и безупречном юридическом образовании в университетах дореволюционной России». В качестве продолжения предлагается: «Однако отечественные дореволюционные педагоги и юристы-практики не склонны были так считать. Об этом можно судить по публикациям на страницах юридической и иной периодики» (с. 108). С последним можно согласиться, достаточно лишь напомнить о серьезной дискуссии («литературном плебисците») по поводу юридического образования, имевшей место в профессиональной печати на рубеже XIX—XX вв., о чем не так давно снова говорили исследователи¹. Еще сошлемся на одного из участников той самой дискуссии, который в самом начале одной из работ писал: «В последнее время, когда заговорили о реформе наших университетов вообще, в печати нашей иногда особенно критически относились к постановке преподавания в юридических факультетах. В журналах и газетах приходилось читать целый ряд критических замечаний по поводу нашего юридического преподавания. Были даже рассуждения и о полной будто бы его неудовлетворительности. Но ужели эти замечания и рассуждения имеют непоколебимые основания? Ужели действительно мы должны сознаться в несостоятельности нашей системы преподавания права?»²

Полагаем, специалист и просто вдумчивый читатель, равнодушный к юридическому наследию, находящийся в благоприятных условиях несложного к нему доступа, вряд ли испытывает иллюзии по поводу «безупречности» юридического образования в императорской России. В любом случае активная апелляция автора к юридико-педагогическому наследию, в том числе мемуарного толка, только способствует более объективной характеристике юридического образования дореволюционной эпохи. Разве не остро современно звучит утверждение выдающегося ученого Л. И. Петражицкого, приведенное на с. 116, о некоторой (немалой) части научного общества: «Отбив диссертацию, перестают заниматься и интересоваться наукой, отстают от нее или совершенно опускаются»? Среди обозначенных трудностей развивавшегося и, надо сказать, крепнувшего юридического образования в монографии показаны и методические проблемы, и проблемы качества трансляции знаний, и недостаточность методического сопровождения учебных курсов, и проблемы структуры «образовательного стандарта» юристов, соотношения теоретического и практического компонентов. В работе просматривается равнодушие профессорской корпорации к имевшимся трудностям, чему свидетельство — приведенные мнения большого количества известных ученых-юристов (В. Гессена, А. Загоровского, П. Казанского, А. Кистяковского, Л. Петражицкого, Г. Шершеневича и др.).

Не менее интересно ознакомиться с поставленными в исследовании проблемами практической подготовки студентов и материальным и пенсионным обеспечением университетских преподавателей. В п. 1.3 показана эволюция юридико-образовательной повседневности в сторону устройства практических занятий, юридических клиник и приведены рассуждения современников о том, как устроить эти занятия правильно. Пристальное внимание, как видно, автор уделяет проблеме готовности выпускника университета к практической деятельности, что следует, в том числе, из повтора текста (с. 127—128 и 152—153). Апелляция к опыту немецких университетов также весьма обоснованна, тем более что, несмотря на восприятие их со стороны (например, российских

¹ Малков В. П., Дудырев Ф. Ф. Реформа юридического образования: какой она виделась 100 лет назад? // Юрид. образование и наука. 2003. № 3. С. 33—40.

² Есипов В. В. О преподавании права. Варшава, 1901. С. 1.

университетов) в качестве «образца», в профессиональной среде Германии шла активная дискуссия о реформе юридического образования¹.

Проблема же материального и пенсионного обеспечения профессоров в старое время маркирует более глубокую тему — их государственной службы и вообще социально-правового статуса. Эта часть исследования снабжена значительным количеством цифр, почерпнутых из университетских штатов и иных источников; показано соотношение получаемого дохода с общей стоимостью жизни в столицах и периферийных университетских городах, соотношение с доходами представителей других профессий. Не обойдены вниманием автора и проблема недофинансирования университетов, и эволюция способов вознаграждения за преподавательский труд, включая вводившийся институт приват-доцентуры. Затронута и тема, пардон, «лихоимства профессоров»: «Столичная зараза взяточничества не миновала и провинциальные учебные заведения» (с. 168). Вообще же исследователи называют социальный статус преподавателей университетов высоким, отмечая влияние социально-экономических и общекультурных процессов второй половины XIX в.; широкий спектр возможностей для карьерного маневра усилил общую значимость положения профессора в обществе. Русский ученый, как отмечается, мог продвигаться по служебной лестнице, получая высокий табельно-сословно-должностной статус². Профессора становились министрами, в том числе народного просвещения, попечителями учебных округов. К примеру, не менее десятка фамилий преподавателей-юристов встречается в составленном реестре попечителей учебных округов Российской империи³. Однако ученые считали своим долгом не только служение государству, но и собственно служение науке, что также отмечено в работе.

Более рельефной находим вторую часть анализируемой монографии, посвященную важнейшим формализованным способам прирастания кадрового потенциала науки: научным командировкам исследователей и порядку присвоения ученых степеней. И хотя о заграничной подготовке молодых россиян (институте профессорских кандидатов, функционировании семинара по римскому праву в Берлине и Русской филологической семинарии в Лейпциге и др.) в той или иной степени уже рассуждали ученые, обозначение этого сюжета, как часто бывает, полезно для рассмотрения более обширной проблемы. В частности, действительно большой темы «кросс-культуры» и разного отношения к интеграционным процессам. Зарисовки на эту тему в работе также показывают сложности взаимоотношений в контексте «свое-чужое» и, возможно, разного понимания феномена науки (национальная, европейская, всеобщая?). Так, иностранных профессоров, преподававших в Московском университете в XVIII столетии, автор, по сути, называет трансляторами европейской юриспруденции: «Через них европейская юриспруденция пришла в Российскую империю и оказала влияние на формирование отечественного юридического образования, которое для западноевропейских государств, начиная с Древнего Рима, стало основой для поступления на государственную службу» (с. 33). В свою очередь, говоря о молодых россиянах, получивших опыт в заграничных командировках, профессор отмечает, что наряду с ученой степенью они везли на Родину и западноевропейский опыт правового регулирования присуждения ученых степеней (с. 191). К указанным в работе трансляциям можно было бы добавить и иные, формировавшие сложный механизм взаимодействия и взаимообогащения институций науки и образования. Оценивая этап становления подготовки юристов (XVIII в.), автор приходит к выводу, что, несмотря на сильное влияние западноевропейской юриспруденции, отечественная система подготовки уже начинает освобождаться от него; складываются основы российской системы юридического образования, хотя она пока еще «слабая» и «рыхлая» (с. 40).

¹ См., например: *Иеринг Р.* Юридическая техника / сост. А. В. Поляков. М., 2008. С. 150 и далее.

² *Цыганков Д. А.* Профессор В. И. Герье и его ученики. М., 2010. С. 49.

³ Академия наук в истории культуры России XVIII—XX веков / отв. ред. Ж. И. Алферов. М., 2010. С. 125—134.

Так называемый научный десант иностранных профессоров на землю российского образования при понятном отсутствии собственных кадров имел и свои издержки. Это обстоятельство также отмечено в книге (с. 193–194). Причем, как представляется, проблема была не только в том, что «head-hunters» от правительства или «агенты» в преподавательской среде рекомендовали в российские университеты не всегда тех, кто достоин, но и в незнании языка, столкновениях «профессорских партий» (русской и немецкой, например, в Казани), о чем писали еще дореволюционные исследователи. Должно было пройти время для преодоления таких затруднений. Как видно из архивных документов, не только в начале XIX столетия, но и много позже сохранялось настороженное отношение профессорской корпорации к вызову профессоров из-за границы. Так, совет того же Казанского университета в 1862 г. не усматривал пользы в вызове иностранных ученых по причине незнания ими русского языка (а также плохого знания студентами иностранных языков, что препятствовало общению), а также, ссылаясь на опыт, указывал, что хорошего преподавателя и за границей найти непросто. Впрочем в качестве исключения совет видел возможным приглашать «ученых словен (чехов и пр.)», могущих быстрее и успешнее освоить русский язык¹. В монографии также приведено критическое высказывание Г. Слиозберга в адрес «научных десантов» молодых россиян, из-за которых отечественная юриспруденция строилась на магистерских и докторских диссертациях, выполненных на немецкий лад. Якобы по этой причине отдавалось предпочтение уголовному праву и процессу, науке криминалистики, прекрасно разработанным в Германии, в ущерб другим наукам, для развития которых и путешественники с научными целями, и в целом факультеты сделали мало (с. 211–212). Представляется, что в данном случае речь идет о самой науке, сложных закономерностях ее развития, на которые, быть может, и влияли научные путешествия, но отнюдь не в первую очередь.

Небезынтересными показались частные сюжеты об историко-правовой науке: от показанных размышлений профессуры о сложности восприятия историко-правовых курсов студентами младших курсов (с. 125) до описания проблемы организации разрядов наук при соискании ученых степеней, когда предметы историко-правовых кафедр возводились едва ли не во второстепенные (с. 267–269). При исследовании института присвоения ученых степеней в университетах Российской империи автор указал на отсутствие дефиниции слова «диссертация» в соответствующих узаконениях (с. 219).

Характеризуя монографию как важную в актуализации юридико-педагогического наследия, хотелось бы все же выразить некоторое сожаление в связи с тем, что в числе источников, на которых она построена, не нашлось места архивным документам. Не всегда понятно и исследовательское отношение к описываемому. Это заметно как в вопросе о времени (периоде) формирования системы подготовки юристов (с. 77), так и, к примеру, в характеристиках отдельных представителей профессорской корпорации. Такой «казус» случился с профессором Д. И. Мейером: в одном месте он показан как беспечный методист (с. 115–116), а в других – как методист замечательный (с. 118, 195). Не хватало подробностей, уточненного авторского мнения, аргументов при выстраивании параллелей анализируемого материала с современной проблематикой (например, с. 159–160). Но это уже, пожалуй, общее место в историко-правовых работах, поскольку в истории пытаемся найти ответы на острые вопросы современности, а из историко-правовой тематики вытягиваем «практическое значение и применение», всеми силами ее осовремениваем, даже там, где она и так «вне времени», ценна сама по себе.

¹ «Ученые нередко слишком хладнокровно смотрят на свою обязанность просвещать русское юношество и ставят ее на второй план», — указывалось в одном из документов об иностранцах (Из донесения ректора Е. Г. Осокина исправляющему должность попечителя Казанского учебного округа князю П. П. Вяземскому. Казань, 28 апреля 1862 г. // Вишленкова Е. А., Галиулина Р. Х., Ильина К. А. Русские профессора: университетская корпоративность или профессиональная солидарность. М., 2012. С. 536–537).

Безусловно, монография представляет интерес не только для специалистов, но и для читателей, неравнодушных к истории отечественного научного знания, к традициям российских императорских университетов и их юридических факультетов. Значительный спектр научно-литературных источников, обобщенных в настоящей работе, демонстрирует рефлексию исследователей разных эпох по поводу университетского юридического образования в дооктябрьской России.

Научное издание, посвященное 300-летию М. В. Ломоносова¹, продолжает тему университетского юридического образования и науки в России. Особенностью работы стало соединение монографического описания истории ведущего центра российской юриспруденции, каковым являлся юридический факультет Московского университета в разные эпохи, с хронологической летописью его истории. Последняя заняла большую часть исследования (с. 231–621), во многом составив его «изюминку», предоставляя возможность самому читателю увидеть и оценить как опорные события, так и менее заметные факты образовательно-научной повседневности. Читатель может сформировать свой образ факультета в обширном контексте российской (и не только) истории и культуры. Высокий тон работы задан неравнодушным пассажем из предисловия: «Юридический факультет был для учащихся не только учебным заведением и местом работы. Он был храмом, в стенах которого постоянно звучали слова о высоком предназначении человека, о призвании правоведа служить благу Отечества и быть приверженным правде и справедливости» (с. 6). В «постоянстве звучания» этих слов может убедиться читатель, как знакомясь с теоретическим описанием истории факультета, так и «путешествуя» по летописи.

Монографическая часть издания подготовлена В. А. Томсиновым и П. Л. Полянским. Стержнем описания досоветского периода факультетской истории стала периодизация, весьма распространенная в работах по истории юридического образования и науки, использованная и в других работах профессора В. А. Томсинова и перекликающаяся с подходом в проанализированной выше работе. Вписанные в общеисторический и историко-культурный контекст узаконения (указ 1755 г., утвердительная грамота 1804 г. и университетские уставы XIX в.) находятся в ее основе. Во второй половине XVIII в. (гл. 1) обособлены «период формирования» (50–60-е гг.) и «период становления» (70–90-е гг.). Главы 2–4 и 6 показывают смену университетских уставов, отражавших правительственную политику в сфере высшего образования и ведущих к трансформации учебных программ, оказывая определенное влияние на развитие юридических наук. Анализируя указ императрицы 1755 г. об учреждении университета, в котором, в частности, выражалась надежда на воспитание и обучение молодых людей, пригодных для государственной службы и для умножения славы Отечества, автор отмечает: «Очевидно, что главную роль в подготовке таких лиц призван был играть юридический факультет...» (с. 14). Рассмотрены вклад в отечественную юриспруденцию и подготовку юристов «варягов» (иностранцев-профессоров), выращивание научных кадров «из природных россиян» (С. Десницкий, И. Третьяков), научно-педагогическая деятельность первого законоискусника З. Горюшкина и многочисленные трудности, сопровождавшие функционирование юной институции.

Развитие факультета в XIX – начале XX в. описано в рамках весьма ладной «матрицы»: в каждом периоде анализируется соответствующий устав и закрепленное в нем университетское устройство, учебные программы факультета, характеризуются профессорско-преподавательский корпус, его усилия на образовательной и научной ниве. Примечателен использованный в работе сравнительный подход, когда сопоставляются образовательные стандарты для юристов, содержащиеся в высочайше утвержденных узаконениях разных периодов (с. 59–61, 140–142). При характеристике стандарта уста-

¹ История юридического факультета Московского университета (1755–2010). 2-е изд., перераб. и доп. / отв. ред. В. А. Томсинов. М., 2011. 640 с.

ва 1863 г. отмечается, что представленная в нем новая классификация наук «в большей мере соответствовала достигнутому к тому времени в России уровню развития научной юриспруденции», «в основе своей» она «сохраняется и в современном российском правоведении» (с. 142). Трудно не согласиться с утверждением о том, что историко-правовые науки, наряду с энциклопедией права, правом римским, составляли фундамент юридического образования и именно устав 1863 г. способствовал его расширению (с. 142). Солидаризуемся с оценкой выделения процессуальных наук в качестве самостоятельных, которое было обусловлено как закономерностями развития самой науки, так и серьезным влиянием Судебной реформы (с. 135, 141, 149–150).

Заслуживает внимания сюжет об отношении факультета к организации разрядов (отделений). Эта тема, возникшая в университетском юридическом пространстве еще в предреформенную эпоху, была актуализирована в 1860-е гг. Оценивая по просьбе министра инициативу Казанского университета о разделении юридического факультета на отделения государственных и юридических наук, факультет серьезно критиковал эту идею (с. 145–148). О просуществовавшей до 1878 г. практике разделения факультета в Казанском университете, инициированного Министерством народного просвещения, писала И. А. Емельянова, отмечая, что оно не принесло существенной пользы¹.

Небезынтересным показался очерк об организации на факультете практических занятий, основанный на архивных документах: названы цели вводимых новаций, технология, темы и т. д. (с. 181–185). Как указано, «...в дополнение к лекциям здесь в 1899/1900 академическом году были введены практические занятия» (с. 181). Из хронологической летописи, где дана ссылка на отчет Московского университета за 1885 г., узнаем, что в весеннем полугодии 1885 г. практические занятия на факультете проводились под руководством профессоров Н. П. Боголепова, М. М. Ковалевского, А. И. Чупрова, а в первом семестре 1885/1886 учебного года – под руководством профессора П. Н. Мрочек-Дроздовского (с. 349). Тема практических занятий затронута и далее в летописи (с. 380–381); она приобретает нынче, в условиях новой образовательной реальности, где самостоятельная работа студентов – один из главных пунктов, особое звучание. Отсюда такой интерес к прежним эпохам, что видно и из предыдущей монографии. О том, что практические занятия как нововведение принимались не сразу и не всеми профессорами-юристами, мы узнаем из разных источников. Однако это была вообще более общая проблема, одним из примеров чему может служить случай из практики родственного гуманитарного факультета. Так, служившему в Киевском университете с 1876 г. доценту И. В. Цветаеву студентами была устроена обструкция. Преподаватель (впоследствии известный ученый, известный организатор музеев, известный отец) пытался превратить свои лекции в подобие семинара, раздав домашние задания по переводу речей Цицерона. Часть студентов восприняли это как оскорбление и подбили других на забастовку, за что и были (ненадолго) отчислены решением профессорского суда².

Самостоятельная глава посвящена Московскому юридическому обществу (гл. 5). К юридическим обществам дореволюционной России имеется определенный исследовательский интерес, они становились и темой диссертации, однако ее вряд ли можно назвать исчерпанной. Остается выразить сожаление, что в предпринятом издании материал на эту тему оказался кратким (с. 158–163).

Сложная проблема иностранного влияния (шире – кросс-культуры), о которой уже шла речь, неизбежно возникает перед читателем и при знакомстве с настоящим изданием. Мнения о малой ценности опыта обучения юриспруденции в западноевропейских

¹ Емельянова И. А. Юридический факультет Казанского государственного университета. 1805–1917 год. Очерки. Казань, 1998. С. 66–71.

² Баранов А. Н. Новые материалы к биографии И. В. Цветаева // Семья Цветаевых в истории и культуре России: XV междунар. науч.-темат. конф. (Москва, 8–11 октября 2007 г.) / отв. ред. и сост. И. Ю. Белякова. М., 2008. С. 43–44.

университетах для России (с. 52), но о большом влиянии на русскую теоретическую юриспруденцию рубежа XVIII–XIX вв. доминировавшей в Западной Европе в XVIII в. доктрины «естественного права» (с. 66), а также дважды приведенное высказывание Ф. М. Дмитриева о важности изучения иностранного законодательства и опыта общественного устройства других народов (с. 128 и 143) – поводы для размышлений.

Значительный интерес вызвала глава, посвященная советскому периоду жизни факультета (автор – доцент П. Л. Полянский). Показанные узаконения новой власти, создание ФОНа, Института советского права (впоследствии – правового института), восстановление юридического факультета в составе МГУ в 1942 г. – страницы большой советской истории. Пример одного из юридических факультетов – повод для глубокого осмысления «связи времен» и преемственности научной традиции, характера трансформаций образовательно-научной политики государства вообще. Коренным переломом в истории отечественного юридического образования, проявлявшемся в демонтаже старой системы и формировании новой, советской модели профессионального образования, называют период 1917 – начала 1940-х гг. исследователи¹. Автор раздела пишет, что революция 1917 г. коренным образом изменила систему преподавания на юридическом факультете и научную жизнь в Московском университете. При этом уточняется, что перемены были постепенными, резкие скачки в руководстве старейшим учебным заведением отсутствовали, плана преобразований не было (с. 192).

Существование кафедры церковного права юридического факультета 1-го Московского университета в условиях провозглашения отделения школы от церкви (с. 195), перестройка учебных планов (с. 198–202), судьба бригадно-лабораторного метода как образовательной технологии (с. 215–216) – лишь немногие интересные сюжеты из тех, что показаны в работе. Проблема вхождения в новую жизнь и новую образовательно-научную повседневность дореволюционных профессоров и преподавателей в условиях звучания тезиса «обойдемся без одряхлевшей профессуры, позовем талантливую молодежь»² неизбежно поднимается в работе (с. 193, 204–205 и далее). С сожалением отмечаем, что послевоенный период в жизни факультета обозначен кратко, контурно; в общем-то, раздел показался не совсем завершенным.

Авторы-составители «Хронологической летописи» (научные сотрудники Музея истории юридического факультета МГУ Г. Н. Рыженко и С. А. Яблоков) отметили, что в ее основе – экстракты из Летописей Московского университета двух изданий; кроме того, были использованы материалы Музея, различные опубликованные источники и значительное количество извлеченных из архивохранилищ документов (с. 637). Богатство источников позволило в полной мере показать разнообразие факультетской жизни, вырастание его, противоречия, судьбы многих людей. Рапорт 1768 г. об успехах и прилежании студентов на имя императрицы (с. 239), правила для годовых экзаменов 1834 г. (с. 277–278), распределение предметов по уставу 1835 г. (с. 283–284), сведения о допуске к защите и защитах диссертаций (с. 305, 332, 374–375 и др.), ходатайство факультета о создании кафедры гражданского судопроизводства 1868 г. (с. 323), выступление В. Н. Лешкова на I съезде юристов (с. 333), План 1906 г. предметной системы преподавания (с. 398–399), сбор юристами 1-го МГУ в 1918 г. на местах сведений о деятельности советов (с. 441), учебный план ФОНа (с. 456–457) и более поздние учебные планы (с. 474–475) – обо всем интересном и не сказать. Отмечено в летописи и открытие в 2000 г. Музея факультетской истории (с. 591).

¹ См., например: Яцук Т. Ф. Советское юридическое образование (1917 – 1930-е гг.) // «Изучать юриспруденцию яко прав искусство»: Очерки истории юридического образования в России (конец XVII в. – XX в.) / под ред. В. В. Захарова, Н. Н. Зипунниковой. Курск, 2008. С. 97.

² Красовицкая Т. Ю. Российское образование между реформаторством и революционаризмом. Февраль 1917 – 1920 год. М., 2002. С. 138–146.

Особо хотелось бы обратить внимание на широту интересов факультетской профессуры, зафиксированную в хронологическом повествовании. Так, Н. Н. Сандунов и Л. А. Цветаев выступили соучредителями Общества любителей российской словесности, а Д. Е. Василевский, Ф. Л. Морошкин приняли активное участие в его работе (с. 258). В открытии VI Археологического съезда в Одессе (1884 г.) от факультета участвовал М. М. Ковалевский (с. 347), он же и ряд его коллег выступили инициаторами создания Психологического общества при университете в 1885 г. (с. 349). В работе XIV Археологического съезда в Чернигове (1908 г.) принимали участие Д. Я. Самоквасов и А. Н. Филиппов (с. 405); последний был командирован в качестве делегата и на Археологический съезд в Москве в честь 300-летия царствующего дома (с. 419). В 1881 г. юридический факультет приглашался к участию во Всероссийской промышленно-художественной выставке. В отделе научно-учебных предметов должны были представляться ученые работы и работы студентов (с. 343).

Интересными показались сведения о подготовке и праздновании университетских и факультетских юбилеев; да и само издание, как видно, носит юбилейный характер. На полувековом юбилее Л. А. Цветаевым читалась речь «О взаимном влиянии наук на законы и законов на науки» (с. 252); 12 января 1830 г. проходило торжественное собрание по случаю 75-летия университета (с. 271). В 1834 г. совет университета приступил к сбору сведений для составления истории университета и его округа (с. 277); в ноябре 1853 г. в рамках подготовки к 100-летию университета факультетом было принято решение о составлении биографий профессоров-юристов (с. 303). В декабре 1895 г. ректор предложил факультетам собрать материалы по истории кафедр и учебно-воспитательных учреждений за третье пятидесятилетие (с. 371). В ноябре 1903 г. в рамках подготовки к празднованию 150-летия была создана специальная Юбилейная комиссия (под председательством В. О. Ключевского) (с. 393); празднования же были отменены из-за событий 9 января 1905 г.¹, торжественное собрание состоялось в Париже в стенах Высшей русской школы общественных наук (с. 394–395). И 175-летие – в советской России и во Франции (с. 480–481), и празднование большого 200-летнего юбилея (с. 511–512), и подробности недавнего 250-летия (с. 603–606) – все эти важные вехи большой истории университета и факультета отражены в документальной хронике.

В заключение отметим, что имеющиеся отсылки к современности, даже вписанные в контекст повествования (к примеру, о низком уровне современных абитуриентов – с. 192), к идеальной конструкции «настоящего юридического образования» (с. 113)² подтверждают мнение о сложности любого разговора об истории образования и науки в отрыве от нынешних реалий. Вся работа пронизана уважением к упомянутым в ней ученым и преподавателям разных эпох, что и составляет славу не только факультета и университета, но и всей отечественной науки.

О коллективной монографии, изданной в Ярославском университете чуть раньше³, также хочется сказать в связи с тем, что большая часть этой интересной книги посвящена истории еще одного центра подготовки юристов и правоведения в стране, а также по причине приглашения ее авторами к актуальному разговору о школах в юриспруденции. В лаконичном вступлении намечены контуры возможной дискуссии вокруг серьезного

¹ См. также: Цыганков Д. А. Указ. соч. С. 14–15.

² «Настоящее юридическое образование должно быть направлено не только на познание действующего законодательства, но и на усвоение юридического языка (понятийного и терминологического аппарата юриспруденции), на постижение логики юридического мышления, уразумения устойчивых, существенных признаков правовых институтов, их взаимосвязей друг с другом и закономерностей функционирования в различных общественных условиях, на выработку практических навыков формулирования и толкования правовых норм, их классификации и систематизации, приемов и способов обработки правового материала», – читаем в издании.

³ Ярославская юридическая школа: прошлое, настоящее, будущее / под ред. С. А. Егорова, А. М. Лушникова, Н. Н. Тарусиной. Ярославль, 2009. 834 с.

научно-исследовательского концепта «научная школа», названы компоненты, позволяющие авторам говорить о самостоятельности ярославской школы, а также сделано важное уточнение о том, что принадлежность к школе — этап научного и педагогического творчества (с. 4). И если в последние годы звучит полемический тезис о научных школах в традиционном понимании как об «угасающей и вспомогательной форме организации научных исследований»¹, то в историческом аспекте полная лакун тематика познания становления и институционализации научных школ имеет немалые перспективы.

Однако прежде чем рассуждать о научной(-ых) школе(-ах) в подаче авторов работы, небезынтересно акцентировать внимание на специфике учебного заведения, из которого выросла нынешний университет, носящий имя П. Г. Демидова. Этому посвящены две первые части монографии. Цепочка «училище высших наук — юридический лицей — университет — возрожденный университет» скрупулезно и выразительно выписана исследователями.

Образованное в начале XIX в. по инициативе и на средства П. Г. Демидова учебное заведение, чьи аттестаты были законодательно приравнены к аттестатам (дипломам) университетов в 1811 г.², находилось в ареале влияния Московского университета (его учебном округе) и в 1833 г. было переименовано в Демидовский юридический лицей. Непростым, как показывают авторы, был вопрос о соотношении статуса училища-лицея с университетским статусом. Изначальная идея о создании в Ярославле университета была неосуществима в связи с близостью Московского университета (с. 9), до 1824 г. училище непосредственно управлялось им (с. 26). Преобразование училища в учебное заведение юридического и камерального профиля (лицей) в 1833 г., как отмечается, не давало ему ни выгод, ни преимуществ, а статус его даже понижался (с. 27). Возвышение лицейского статуса пришлось на эпоху Великих реформ, когда Временным уставом 1868 г. на лицей были распространены права и преимущества университетов, а также предписывалось создать 10 юридических кафедр (с. 59–60). По выпуску студентов-юристов лицей к концу столетия занимал первое место после столичных университетов, но не воплотилась в жизнь идея превращения лицея в юридическую академию, несмотря на активные попытки, лицей не преобразовали в университет и в начале XX в. (с. 71–72, 77–78, 113–115).

Значимой представляется глава работы, посвященная анализу лицейской концепции подготовки юристов. В первооснове концепции — идеи профессорско-преподавательского корпуса и особенно директора М. Н. Капустина о недопущении трансформации лицея в специальную юридическую школу для подготовки чиновников юстиции и администрации и о широком предназначении правоведения. Подготовленность к практической деятельности обуславливается, полагал Капустин, именно широкой теоретической подготовкой. Один из тезисов профессора Капустина, приведенный авторами работы, процитируем в силу его актуальности во все времена: «...Не буква закона, не знание статей законодательного кодекса должны быть целью изучения, а способность понять смысл и значение отдельных дробных положений кодекса. Как бы ни было совершенно законодательство, оно никогда не представляет собою последнего слова юридической жизни народа, в нем никогда не сосредотачивается весь материал права. Если юрист ограничивается изучением действующих законов, то он не в состоянии будет отнестись к ним свободно, осветить их светом научных начал, внести свою долю в дело их усовершенствования» (с. 119). Важное место в концепции занимала идея сотворчества преподавателей и студентов, следовательно, совершенствования форм их взаимодействия.

¹ Ильин А. В. Научная школа в юриспруденции // Правоведение. 2011. № 3. С. 261. Автор, в частности, пишет: «Научная школа как субординационно-координационная форма научной деятельности малых научных коллективов по-прежнему востребована и жизнеспособна. Вместе с тем характерные для ее сущности авторитарные начала и традиционализм вступают в противоречие с динамизмом современной науки и общества в целом».

² ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. 31. № 24483.

Авторы монографии приводят рассуждения лицейских педагогов о лекциях и практических занятиях, осмысливают практический опыт внедрения этих форм работы, а также репетиций, творческих работ лицеистов (годовых сочинений), чтения спецкурсов методологического характера и т. д. Анализируются издание методических руководств лицейскими преподавателями, трансляция ими непреходящего значения работы с источниками для будущих юристов-профессионалов. Показаны особенности преподавания в лицее историко-правовых курсов и значение исторического подхода к познанию права, а также римского и гражданского права, поставленных в центр обучения будущих юристов. Исследователи акцентируют внимание на связи обучения и воспитания, на формировании профессиональных качеств у студентов лицея. Кроме того, отмечено, что научная специализация дореволюционной профессуры «не имеет ничего общего с сегодняшней прискорбной „узкопрофессиональностью“ преподавателей» (с. 162).

Хочется отметить отдельные сюжеты, которые показаны «пунктирно», но являются, полагаем, важными для осмысления традиций юридического образования. В частности, анализируя учебное руководство В. А. Юшкевича 1900 г., авторы монографии пишут: «Насаждаемая Министерством народного просвещения система высшего образования по-прежнему, если не в большей степени, нацеливала на пассивное усвоение научных истин, на „обогащение“ памяти суммой сведений, необходимых специалисту. Приходилось по-прежнему отстаивать приоритет знания, доказывать недостаточность лекционной формы преподавания для научного становления юриста» (с. 148). Описываемая политика МНП нуждается, однако, в более рельефном анализе. Приведенные же на страницах монографии мнения лицейских преподавателей о формах и методах преподавания права демонстрируют их вклад в плодотворный «литературный плебисцит», развернувшийся среди профессиональной общественности на рубеже XIX–XX вв. Или, к примеру, короткая зарисовка о вводимых в российских университетах разрядах (специализациях). В работе отмечается, что лицей не страдал, подобно юридическому факультету Казанского университета, от навязанного Министерством народного просвещения разделения преподаваемых наук на юридические и административные (с. 139). Далее описывается деление предметов на главные общие, главные специальные и вспомогательные. Дано и критическое мнение М. Н. Капустина, знакомившего общественность в своих работах с зарубежным опытом подготовки юристов, о бытовавшем в ряде зарубежных университетов делении курсов на образовательные и факультативные: дескать, иерархия между науками немислима. Неоднозначный опыт введения специализаций в отечественных университетах не может, однако, исчерпываться только одним университетом и требует значительно более пристального внимания, такая задача поставлена в одной из работ, упомянутых ниже.

Небезынтересной видится реконструкция хронологически малого, но важного и сложного периода истории вуза, когда из лицея его преобразовали в университет в первые годы новой власти: скромная историография, но представительные архивные материалы позволили сделать вывод о безусловном правопреемстве ЯрГУ по отношению к Демидовскому юридическому лицей (с. 165, 174). Как вписана судьба личности, судьба вуза в историю страны, ярко показано в этой части работы. Выращивание университета из моновуза, организация ФОНа, появление других факультетов (медицинского, педагогического и пр.), работа «старых» профессоров (В. Н. Ширяева, Н. Н. Полянского, В. Г. Щеглова и т. д.) в новых условиях, с новым студенчеством и итог: «новая образовательная политика» привела к закрытию университета (и юридического факультета) в 1924 г. ...Возрождению университета, а с ним — и юридического факультета в позднесоветское время посвящена гл. 5 исследования.

Анализ богатого фактического материала об эволюции научной школы (или школ) в Ярославле сосредоточен в 3-й и 4-й частях работы. В соответствии с «внешней» историей вуза становление научных школ показано в хронологических рамках второй по-

ловины XIX — начала XX в. Речь авторы ведут о 13 научных школах: теории права, истории права, государственного, международного, церковного права, административного и финансового права, римского права, гражданского права и гражданского процесса, уголовного права и уголовного процесса, трудового права и права социального обеспечения. Описывая ярославскую юридическую школу во второй половине XX — начале XXI в., авторы работы показали становление и функционирование 4 кафедр: теории и истории государства и права, гражданского права и процесса, уголовного права и процесса, трудового и финансового права.

При внимательном знакомстве с монографией обнаруживается несколько подходов (критериев) исследователей к понятию «научная школа», демонстрирующих многослойность категории и расширяющих исходные рамки анализа. К признакам ярославской юридической школы они изначально отнесли личностный, материальный и социокультурный компоненты, имевшие там существенные отличия и даже обладавшие уникальностью. Личностным компонентом, в интерпретации авторов, охватываются учителя, ученики, администрация, технический персонал и др. Под материальным понимается материальная база учебного процесса, а под социокультурным — социальная и культурная среда в городе или населенном пункте, где располагается учебное заведение (с. 4). Отмечено также, что к последней четверти XIX столетия лицей «обрел положение одной из крупнейших в России юридических школ» (с. 77).

Категория «научная школа» используется в работе и в других аспектах. Так, в подробном разговоре о ярославской школе уголовного права и процесса (более 130 страниц текста) имеются исследовательские реплики о «классической школе» уголовного права, видевшей задачу своей науки в разработке догмы права. В частности, отмечено, что большинство криминалистов Демидовского юридического лицея принадлежали к классической школе (с. 512), что Н. Д. Сергеевский «всецело принадлежал к классической школе криминалистов» (с. 520). Обозначен и хронологический критерий: В. Н. Ширяев, ставший первым ректором Ярославского университета (1918—1922), назван «воспитанником и активным деятелем *дореволюционной* юридической школы», сохранившим к ней высокое уважение (с. 624). В очерке о финансовом праве отмечено, что последнее стало активно развиваться в введении соответствующих кафедр в период действия университетского устава 1884 г.; в этот период на базе ведущих университетов складывались московская, Санкт-Петербургская, Казанская, Новороссийская и Ярославская научные школы финансового права. Региональные школы в ходе взаимодействия формировали *российскую* школу финансового права (с. 375).

При этом авторы последовательно проводят тезис о принадлежности к школе как этапе научно-педагогической деятельности. Так, в ходе анализа наследия С. М. Шпилевского, «видного историка права» и «ученика И. Д. Беляева и В. Н. Лешкова», почти 20 лет служившего директором лицея, некоторые работы ученого называются, но с оговоркой об отсутствии их подробного обзора, поскольку они не относятся к ярославскому периоду деятельности С. М. Шпилевского (с. 268—269). Д. Г. Тальберг, видный специалист в области уголовного процесса, в ярославский период (1880—1884) не выпустил крупных работ. Посему в книге приведена «представляющая значительный научный интерес» «Вступительная лекция по уголовному процессу», прочитанная и опубликованная в Ярославле (с. 644—647). Преподававший в лицее профессор всеобщей истории права В. В. Сокольский, будучи в Ярославле, опубликовал в 1882 г. в Журнале Министерства народного просвещения статью «О влиянии кельтского и германского права на систему кар и покаяний Западной церкви». О прочих его исследованиях, увидевших свет на страницах официального издания профильного ведомства, сказано, что они относятся уже не к ярославскому периоду научной деятельности профессора (с. 302). К числу «наиболее творчески активных представителей ярославской юридической школы» отнесен выдающийся специалист по истории церкви, богословию, доктор церковного права

Н. С. Суворов. По количеству изданных в Ярославле трудов Суворов — на первом месте среди ярославских ученых (с. 328). Исследуя творчество одного из представителей школы уголовного права, авторы прямо отмечают: «Не умаляя научного значения трудов профессора А. К. Вульфберта в целом, хотелось бы более подробно остановиться на отдельных работах, изданных в Демидовском юридическом лицее...» (с. 513). Такая исследовательская краска очень ярко рисует картину имевшей место в Российской империи (да и впоследствии тоже) миграции (географической мобильности) ученых, вписанных в систему служебных отношений. Подобный сюжет уже оказывался в центре особого внимания специалистов¹.

Подробный разговор о школах университета насыщен не только богатыми библиографическими материалами², но и разнообразными микросюжетами и интересными предложениями авторов книги. Теоретико-правовая школа представлена именами М. Н. Капустина, П. Л. Карасевича, В. Г. Щеглова, Н. И. Палиенко, Б. А. Кистяковского, А. Л. Байкова, Е. Н. Трубецкого, Ф. В. Тарановского — мыслителей, исследователей, чьи труды вписаны не только в российское, но и в мировое юридическое наследие. Авторы издания отмечают, что работы, к примеру, М. Н. Капустина являются прекрасным руководством по изучению «правовой материи», их переиздание «способствовало бы более успешному нашему продвижению в деле правопонимания» (с. 225). Школа истории права показана двумя главными рубриками: история русского права (М. Ф. Владимирский-Буданов, И. И. Дитятин, С. М. Шпилевский, М. А. Липинский) и всеобщая история права (М. Н. Капустин, В. В. Сокольский, В. Г. Щеглов, С. П. Покровский). Особо отмечены при этом историко-правовые исследования представителей специально-юридических наук (Н. Л. Дювернуа, А. И. Загоровского, И. Я. Гурлянда и др.). Трудно не согласиться с мнением, что труд М. Ф. Владимирского-Буданова «Обзор истории русского права» остается лучшим до сих пор (с. 259). Вклад лицейских профессоров в науку всеобщей истории права трудно переоценить; во вступительной лекции по всеобщей истории права В. В. Сокольский «напомнил студентам, что изучаемая ими дисциплина своим названием обязана лицее» (с. 299).

В гл. 8 монографии описаны школы государственного (Н. К. Нелидов, Н. Н. Ворошилов, А. Е. Назимов и др.), международного (М. Н. Капустин, О. О. Эйхельман, А. Н. Лодыженский, Н. Н. Голубев) и церковного (Н. С. Суворов, Е. Н. Темноковский, П. В. Гидулянов) права. Особо отмечено и изучение в Ярославле обычного права (работы П. Л. Карасевича, Л. С. Белогриц-Котляревского, С. Н. Никонова). Стостраничный очерк посвящен становлению и развитию школ административного и финансового права. Упоминается, что преподавание полицейского права впервые было введено в университетах уставом 1835 г. Уточним, что официально устав именовал соответствующий курс «законами полицейскими». Авторы книги выделяют три направления в истории развития науки полицейского права, показывают становление особого этапа в ее развитии — административного права (с. 339–347). И. Т. Тарасов, Э. Н. Берендтс, О. О. Эйхельман, С. П. Петровский, И. Я. Гурлянд, В. А. Гаген — что ни имя, то отдельное слово в науке. Особенностью описания становления науки финансового права и ярославской школы

¹ Подробнее см.: Лоскутова М. В. Географическая мобильность профессоров и преподавателей российских университетов второй половины XIX в.: постановка проблемы и предварительные результаты исследования // «Быть русским по духу и европейцем по образованию»: Университеты Российской империи в образовательном пространстве Центральной и Восточной Европы XVIII — начала XX в.: сб. ст. / отв. ред. А. Ю. Андреев. М., 2009. С. 183–221.

² Библиографическое направление рассматривается как «перспективный исследовательский проект, для реализации которого к настоящему времени имеются необходимые условия» (Яцук Т. Ф. Библиографическое направление в исследованиях по истории права // Кросс-культурные взаимодействия в политико-правовой сфере: история, теория, современность. Доклады и сообщения: материалы Уральских юридических чтений (научной конференции) (1–2 июня 2010 г.) / отв. ред. С. В. Кодан. Екатеринбург, 2010. С. 54–55).

стали краткие зарисовки о формировавшихся в России других региональных школах (с. 375–381). Наряду с работами М. Н. Капустина, И. Т. Тарасова, Э. Н. Берендтса, читатель знакомится с наследием А. А. Исаева, А. Р. Свирщевского. Как в очерке о полицейском (административном) праве, так и в сюжете о праве финансовом авторы повествуют о советском этапе в их развитии и современном облике (с. 372–374, 430–438).

Одним из главных тезисов, характеризующих преподавание римского права в лицее, является утверждение о его высоком уровне, недостижимом для большинства юридических факультетов университетов. Речь также идет о крупных достижениях в области исследования римского права (с. 439). Эти результаты связаны с научно-педагогическим творчеством Н. Л. Дювернуа, Д. И. Азаревича, В. А. Юшкевича и др. Заметим, что изучение римского права отечественными исследователями стало предметом специальных работ, например, М. Авенариуса. К концу XIX в., как известно, статус римского права в подготовке юристов заметно повысился: в образовательном стандарте университетского устава 1884 г. оно поставлено на первое место, а профильное ведомство в одном из своих циркуляров называло его «основанием правовой теории»¹.

Н. Л. Дювернуа характеризуется как один из ученых, заложивших традиции ярославской школы гражданского права (с. 460). В числе цивилистов, составивших школу гражданского права, названы А. А. Борзенко, Л. Н. Казанцев, А. И. Загоровский, Т. М. Яблочков, В. А. Удинцев, школу гражданского процесса – В. М. Гордон, Т. М. Яблочков. Авторы монографии, отслеживая жизненный и профессиональный путь своих героев, подчеркивают принципиальный момент – существование высокой конкуренции на преподавательские должности в лицее (с. 477).

Как уже отмечалось, школам уголовного права и процесса в книге уделено значительное внимание. Авторы указали важное «внешнее обстоятельство», повлиявшее на науку уголовного права последней четверти XIX в., – выход книги Ч. Ломброзо и дискуссии вокруг нее. Более чем подробный анализ работ выдающегося правоведа Н. Д. Сергеевского (с. 518–587) сопровождается отсылками к проблемам современности, в том числе к имевшей место приватизации (с. 526, 528, 572). Небезынтересно рассмотрение авторами мнения Н. Д. Сергеевского по поводу необходимых условий для прогресса науки уголовного права (хотя употребление категорий «правильно-неправильно» в оценке идей и суждений профессора несколько диссонирует с общим академическим стилем издания) (с. 532–535). Пионер уголовной политики, положивший начало социологическому направлению в уголовно-правовой науке М. В. Духовской, виднейший представитель этого же направления М. П. Чубинский, а также А. А. Пионтковский, Л. С. Белогриц-Котляревский, Г. С. Фельдштейн (автор «единственного в своем роде исследования исторического хода развития российской науки уголовного права»), В. Н. Ширяев, А. Ф. Зачинский, Н. Н. Полянский, Д. Н. Стефановский, Д. Г. Тальберг составили гордость ярославской юридической школы, российской (и мировой) науки.

Очерк о школе трудового права и права социального обеспечения предваряется тезисом об особом месте в ряду российских ученых-правоведов представителей ярославской юридической школы, и это, как отмечено, касается специалистов практически всех отраслей права и сфер юридической науки (с. 648). Еще одно важное положение: зарождение науки трудового права в России связывается с ярославской школой и творчеством Л. С. Таля (с. 663). В этом последнем очерке о школах представлен материал о советском периоде развития правовых дисциплин, связанных с регулированием трудовых отношений, кратко показано научно-педагогическое наследие А. В. Горбунова, Б. В. Чредина, А. В. Венедиктова, а также воспитанников ярославской школы – специалистов в области трудового права. Совершенно справедливым представляется вывод

¹ Подробнее см.: *Зипунникова Н. Н.* Римское право в «образовательных стандартах» Российской империи: историко-правовая иллюстрация государственной политики в сфере подготовки юристов // *Право и образование.* 2009. № 10. С. 105–118.

о гуманистической социальной роли современного трудового права и «злободневности трудовправовых конструкций столетней давности, ставящих во главу угла интересы конкретной личности и согласующих интересы конкретного работника, реального производства и демократического государства» (с. 712).

В очерках, посвященных возрожденному юридическому факультету Ярославского университета и его кафедрам, проанализировано наследие ученых, работавших ранее в университете (В. М. Горшенева, Э. А. Пушмина, П. Ф. Елисейкина, Я. О. Мотовилов-кера), и указаны сферы интересов современного преподавательского состава, который продолжает славные традиции. Работа венчается сведениями о профессорах и доцентах, работающих на факультете на момент выхода книги. Издание проиллюстрировано фотографиями университета, портретами ряда профессоров, коллективными фотоизображениями факультетских кафедр.

Заключая представление большой книги, отметим высказанное ее авторами мнение об очевидности того, что юридическое образование само по себе ничего не гарантирует и ни от чего не страхует (см. показанный в начале обзора тезис В. Н. Синюкова). В качестве примеров приведены «антигерои», выпускники юридических вузов до 1917 г.: В. Р. Менжинский, А. Я. Вышинский, Г. И. Ломов (Оппоков), В. П. Антонов-Саратовский, М. С. Кедров и др. (с. 710). Монография, однако, так или иначе показывает «вырастание» юридического образования: от реализации государственной потребности до значительного явления социокультурной действительности. Безусловно, настоящее издание, построенное на комплексе источников, представляет интерес для специалистов, расставляя отнюдь не все точки над «i» в отношении явления «научная школа» («юридическая школа») и формируя тем самым площадку для плодотворной дискуссии.

Юбилейная книга об уральской юридической школе¹ содержит материал об особенностях подготовки юристов и научной деятельности в советские десятилетия и в современной России. Большого формата, нарядное издание отличается обилием иллюстраций (документы и старые снимки, извлеченные из архивохранилищ и личных собраний, современные фотографии и др.). Книгу венчают «поэтические страницы», презентующие творчество преподавателей, выпускников и студентов вуза.

Сохранение традиций уральской школы правоведения названо одним из концептуальных направлений развития УрГЮА. Среди прочих – повышение качества образовательных услуг и расширение образовательного пространства академии; продвижение академии в качестве признанного центра развития теории и методологии юридической науки, исследований фундаментальных проблем государства и права, прикладных разработок в сфере законодательной, правоприменительной деятельности и государственного управления; поддержка ведущих научных школ и создание условий для формирования новых научных направлений (с. 14–15). Соответственно важной частью издания видится рубрика «Интеллектуальное наследие: учебные и научные труды» (с. 719–745). В ней представлен библиографический перечень изданий учебного и научного свойства (учебники и учебные пособия, монографии, сборники научных трудов, материалы научных конференций). Отмечается, что приведенный список содержит «далеко не полный перечень трудов преподавателей СЮИ – УрГЮА, опубликованных за 80-летнюю историю вуза, поскольку этих наименований – многие и многие сотни». Здесь же показаны те работы, что изданы преимущественно в академии (с. 720). Юбилейная книга содержит подробную информацию о периодических изданиях («Российском юридическом журнале», а также газете «Юрист» и др.), где в качестве организаторов и участников задействованы ученые и студенты академии.

Большая часть книги посвящена управлению и организационной структуре вуза. Здесь представлены материалы об Ученом совете, ректорате, институтах и факульте-

¹ История, настоящее, будущее: 80 лет СЮИ – УрГЮА / отв. ред. В. А. Бублик, В. Д. Перевалов. Екатеринбург, 2011. 800 с.

тах, филиалах, кафедрах, научно-образовательных и функциональных подразделениях, а также общественных объединениях (с. 343–717). Подробные очерки о 24 кафедрах содержат информацию о формировании научных школ и передаче опыта от наставников к ученикам, становлении учебно-методической деятельности, кристаллизовавшемся педагогическом мастерстве, международном сотрудничестве (с. 438–605).

Сибирские истоки уральского вуза, вырастание его из факультета Иркутского университета – сюжет, еще требующий исследовательского внимания¹. В книге же отмечено, в соответствии с устоявшейся традицией, что началом (de jure) СЮИ – УрГЮА было постановление ВЦИК РСФСР от 20 апреля 1931 г. «О мероприятиях по подготовке и переподготовке кадров работников советского строительства». В ходе его реализации и был создан Сибирский институт советского права – единственный на тот момент юридический вуз на востоке страны, в 1934 г. переведенный из Иркутска в Свердловск (с. 20–21). Предложена периодизация истории крепнувшего уральского вуза – предвоенные десятилетия («первые шаги») (1931–1941), Великая Отечественная война, годы восстановления (1945–1954), этап упрочения позиций уральской юридической школы (1954–1992). Последний период (с 24 декабря 1992 г.) – это этап развития Уральской государственной юридической академии как правопреемницы Сибирского института советского права (1931–1935), Свердловского правового института (1935–1937) и Свердловского юридического института (1937–1992).

Отмечено, что осенью 1931 г. на первый курс института было принято 56 человек: 21 рабочий, 15 крестьян, 20 служащих. Студенты учились на двух отделениях: судебно-прокурорско-следственном, готовившем руководящих работников для правоохранительных органов, и исправительно-трудовом, выпускавшем работников ИТУ. На последнем, помимо юридических дисциплин, изучались такие предметы, как производство строительных материалов, организация социалистического предприятия, экономика, теория учета и др. В первом учебном году в вузе было шесть кафедр, на которых работали 14 штатных преподавателей и 16 совместителей. При переезде в Свердловск части преподавателей и первого директора Ю. М. Позана сохранилось три кафедры: социально-экономических и политических наук, советского хозяйственного права, уголовного права и процесса. Указывается, что важную роль в повышении качества подготовки юристов в стране сыграл переход в 1934 г. с трехлетнего на четырехгодичный срок обучения, а также постановление ЦИК и СНК СССР от 5 марта 1935 г. «О мероприятиях по развертыванию и улучшению правового образования». Учебный процесс приобретал академическую, вузовскую форму, стали читаться новые курсы, выпускники сдавали государственные экзамены. Во второй половине 1930-х гг. в институте работали выдающиеся профессора: В. Н. Дурденевский, С. Ф. Кечемян, Б. А. Ландау, Б. Б. Черепяхин, К. С. Юдельсон, С. В. Юшков. Именно с этим периодом связано формирование основ научных школ, в частности уральской цивилистики. Как и для всей страны, для института это время оказалось сложным: «Под каток сталинской тоталитарной машины попали и студенты, и преподаватели СЮИ»; трагически сложилась судьба первого директора Ю. М. Позана (с. 21–24).

Исторический очерк об испытаниях страны и вуза в военные годы показывает, как в особенных условиях небольшой вуз (к 1941 г. – 29 преподавателей и 325 студентов) продолжал свою работу. Уход на фронт многих преподавателей и студентов, передача общежитий эвакуированным, помощь тылу и фронту, шефство над госпиталем, учеба в две смены, организация военного обучения не остановили учебной и научной деятельности. В вузе преподавали видные ученые Москвы, Ленинграда, Харькова, Минска (А. П. Гагарин, С. М. Гофман, И. И. Ефтихийев, И. И. Крыльцов, Р. П. Орлов, С. А. Розма-

¹ О сложностях и особенностях становления юридического образования в Сибири, в Иркутском государственном университете см.: Казарин В. Н. Становление юридического образования и правовой школы в Иркутском университете. 1918–1931 гг. // URL: http://lawinstitut.ru/ru/about/history_part1.html.

рин и др.), издавались книги (К. С. Юдельсона, С. Н. Абрамова). В 1943 г. открылся диссертационный совет, докторские диссертации защитили И. И. Крыльцов, Б. Б. Черепанин, кандидатские — С. З. Дорфман, К. С. Юдельсон и др. В этой части книги показано, как менялась численность студентов, описаны боевые подвиги студентов, выпускников, преподавателей, содержатся воспоминания участников войны — профессоров М. Я. Кирилловой, В. С. Якушева, доцентов А. С. Добрава, Б. Н. Сергеева (с. 25—35).

Описывая восстановление СЮИ в послевоенное десятилетие, авторы книги пишут об особенной роли в этом процессе постановления ЦК ВКП(б) «О расширении и улучшении юридического образования в стране» (1946 г.). Оно действительно расширялось и постепенно улучшалось. Неизменно рос прием и выпуск студентов, расширялся профессорско-преподавательский состав (в том числе в связи с распределением в институт молодых ученых из вузов Москвы и других городов), увеличивалось число кафедр. Среди поступивших в 1946 г. на первый курс почти четверть студентов были фронтовиками; в числе студентов послевоенных лет было восемь Героев Советского Союза. В эти годы защитили кандидатские диссертации ученые, составившие гордость уральской юридической школы (В. М. Семенов, С. С. Алексеев, Ю. Г. Судницын, Ю. К. Осипов и др.). В 1952 г. докторскую диссертацию по проблемам доказывания в советском гражданском процессе защитил К. С. Юдельсон. Был обращен взор на студенческую науку, из студенческих кружков тех лет вышли профессора С. С. Алексеев, В. М. Семенов, Ю. Г. Судницын, П. П. Якимов, В. Ф. Яковлев. В 1951 г. на базе Свердловского филиала ВЮЗИ, переданного институту, было создано заочное отделение, принявшее на первый курс в 1952 г. 255 человек (с. 36—39).

Интенсивное развертывание фундаментальных и прикладных исследований, формирование научных школ пришлось, как видим из издания, на середину 1950-х — начало 1990-х гг. С 1959 г. стали регулярно издаваться «Записки Свердловского юридического института», с 1964 г. — сборники ученых трудов по общеправовой и отраслевой тематике. Как пишут авторы книги, «научные исследования этого периода характеризовались углубленностью и качеством работы преподавателей, расширением сферы научного поиска». Отмечен и неоценимый вклад в развитие юридической науки преподавателей того поколения — С. С. Алексеева, Г. В. Игнатенко, М. И. Ковалева, А. Ф. Козлова, О. А. Красавчикова, Б. Ф. Ливчака, Д. Д. Остапенко, В. М. Семенова, Б. А. Стародубского, Ю. Г. Судницына, В. Е. Чиркина (с. 40). Подчеркивается, что так называемые застойные годы стали для СЮИ временем наиболее успешного развития как в подготовке научно-педагогических кадров, так и в деле коренного изменения и улучшения научно-исследовательской работы, совершенствования учебно-воспитательного процесса и расширения материальной базы. Приведены данные о защитах докторских диссертаций, осуществлении плановых научных исследований, хозяйственных работ по заказам ведомств, учреждений, предприятий, подготовке ученых для разных вузов страны, участии преподавателей в законотворческой деятельности. В 1976 г. в СЮИ были созданы факультеты судебно-прокурорский, судебно-следственный и правовой службы в народном хозяйстве. В 1981 г. — в год 50-летия — вуз был награжден орденом Трудового Красного Знамени. Рубеж 1980—1990-х гг. стал для института, как и всей страны, «временем решительных перемен». К этому моменту СЮИ превратился в один из признанных центров юридической науки с шестью факультетами, 20 кафедрами, 27 докторами наук и более 200 кандидатами наук, развитой студенческой наукой (более 60 научных кружков) (с. 41—45). Рельефно показан этап новейшей истории уральского вуза (ставшего академией), творчески воплощающего в жизнь все новеллы в сфере юридического образования, активно развивающего накопленный научный потенциал, широко участвующего в интеграционных процессах в образовательно-научной сфере (с. 46—59).

Яркой особенностью книги стало использование библиографии. Один из ее разделов называется «Люди и судьбы». Приведены 12 очерков о ректорах (директорах)

института-академии. Это и описание трагической судьбы Ю. М. Позана, обвиненного в создании контрреволюционной троцкистской организации и расстрелянного в 1938 г. (реабилитирован в 1958 г.), и короткие зарисовки о руководителях, кратковременно находившихся в этой должности, и сюжет о Д. Д. Остапенко, возглавлявшем вуз в течение 33 (!) лет. Более 70 очерков («Наше настоящее») посвящены профессиональному пути профессоров академии, их научным работам и учебным изданиям. Еще почти полсотни очерков («Наша история») рассказывают о профессорах, в разные годы работавших в вузе (в том числе О. С. Альстере, И. Ф. Герасимове, П. М. Давыдове, В. Н. Дурденевском, С. Ф. Кечекьяне, М. И. Ковалева, К. И. Комиссарове, В. М. Корельском, О. А. Красавчикове и др.). Рубрика «Наша гордость» включает очерки об известнейших людях, чье имя тесно переплетено с alma mater (материалы о С. С. Алексееве, В. Ф. Яковлеве и др.).

Взятый авторами на вооружение «портретный» метод, полагаем, мог бы быть использован при описании профессионального становления и вклада в формирование вузовских традиций не только профессоров, но и доцентов, десятки лет проработавших в СЮИ – УрГЮА. Отчасти речь об этом идет в кафедральных сюжетах. Подытоживая, заметим, что, как и предыдущее издание, показанное в настоящем обзоре, книга способствует продолжению содержательного разговора о научных школах применительно к юриспруденции.

Издание, совсем недавно увидевшее свет¹, возвращает читателя в Российскую империю. Характеризуя работу, в первую очередь хотелось бы сказать об актуализации авторами разговора о важном историческом этапе социокультурного вызревания потребности в юридической профессии в России. Справедливо отмечается, что деятельность юристов постепенно становилась самостоятельной сферой социальной практики (с. 21). И, что не менее важно, в монографии вновь рельефно показана взаимосвязь, взаимообусловленность Великих реформ, в данном случае – судебной и образовательной (университетской), а также последующей их коррекции. Преобразования в этих важнейших сферах общественной жизни, способствовавшие краху устарелых феодальных институций, за полтора столетия получили немало похвал и взвешенных оценок. Новые законы о судах летописец своей эпохи, цензор, профессор, академик А. В. Никитенко назвал «великолепным монументом нашего времени», указав, что они «сначала наделают много суматохи»: «Их не сумеют ни понять, ни оценить, ни применить. Но не должно приходить от этого в отчаяние, как не должно приходить в отчаяние от летнего дождя, который смачивает на вас платье, но приготавливает обильную жатву». Будучи непосредственно погруженным в университетскую среду, он, равнодушный свидетель происходившего, и до принятия нового университетского устава (запись 15 февраля 1861 г.), и после вступления его в силу (заметка от 23 декабря 1863 г.), констатируя «проблему деморализации», отмечал, что университеты и опора на науку есть надежда и будущее страны и общества². В представленной работе палитра настроений и ожиданий, связанных с подготовкой и воплощением в жизнь нового механизма формирования профессиональных кадров для новой судебной системы, авторами показана весьма обстоятельно. Выбор в качестве сферы, куда рекрутировались готовившиеся кадры, именно нового суда обусловлен как масштабностью преобразований, манифестированных 20 ноября 1864 г., так и процессами специализации в государственном управлении³.

Новаторской идеей исследования стал тезис о двухэтапной подготовке кадров для судебных учреждений: первый этап представлял собой обучение юриспруденции в выс-

¹ Захаров В. В., Ильина Т. Н. Система подготовки кадров для органов правосудия во второй половине XIX – начале XX века: моногр. М., 2013. 192 с.

² Никитенко А. В. Записки и дневник. М., 2005. С. 241, 490–491, 595.

³ Уортман Р. С. Властители и судии: Развитие правового сознания в императорской России. М., 2004. С. 455.

ших учебных заведениях, а второй – практическую стажировку в качестве кандидата на судебные должности (с. 7, 44, 136, 186–187). Такое предположение обусловило постановку целей и задач исследования, его структуру. Обратим внимание на яркое и, можно сказать, литературное предисловие к работе, а также выделение в качестве самостоятельной части главы о методологических ее основаниях. Трудно не согласиться с утверждением, что наиболее разработаны в рамках заявленной тематики вопросы, посвященные юридическому образованию (с. 8); собственно, настоящий обзор в некоторой степени тому подтверждение. Монографией восполняется определенный пробел в историко-правовой науке, поскольку «имеющиеся работы не дают полной картины становления и развития механизма подготовки кадров для органов правосудия» (с. 14). Она выполнена на основании разнообразных источников, как опубликованных, так и извлеченных из архивохранилищ, четко классифицированных авторами, что позволило рассмотреть оказавшуюся в фокусе внимания исследователей проблематику с разных сторон (с. 14–17).

Взятый в середине XIX столетия курс на буржуазную модернизацию российской действительности привел к увеличению спроса на квалифицированные кадры и вызвал значительный интерес к юридическому образованию. Приведенные и обобщенные в работе статистические сведения о росте количества выпускников университетов и юридических факультетов выступили тому свидетельством (с. 21–25). Сведения эти графически проиллюстрированы: вниманию читателя предложена диаграмма. Еще несколько таких иллюстраций встречаем по ходу работы – по соотношению разных курсов и кафедр в образовательных стандартах университетских уставов, численности старших и младших кандидатов на судебные должности и др.

В работе обрисована так называемая магистратура, т. е. совокупность судебных служащих по уставам 1864 г., и обозначен перечень установленных законодателем требований (цензов) к ним. Особое значение образовательного ценза и определенная конкуренция с ним ценза опытности оказались вплетенными в ткань законодательных конструкций. Обязательность высшего юридического образования только для адвокатов как часть их профессиограммы, а также уступки в этом смысле для председателей судов, их заместителей, судебных следователей и других служащих по судебному ведомству были обусловлены в основном практическими соображениями, осознанием нехватки дипломированных специалистов. Авторы приводят также аргументы в пользу институционализации судебной службы как особой разновидности государственной службы. По мнению авторов, выбранный термин отражает организационно-правовое положение судейского корпуса и выступает показателем положения суда в государственном механизме. Отмечается также, что правовой институт судебной службы находился в начале формирования и этим была обусловлена незавершенность институционализации его элементов (с. 34–35).

Характеризуя первый этап подготовки кадров для нового суда, т. е. развивавшееся юридическое образование, исследователи дали оценку регулировавшему его законодательству, классифицировали учебные заведения, готовившие юристов, охарактеризовали стандарты подготовки и иные важные стороны вузовской жизни. Так, авторами переосмысливается распространенный в литературе сюжет о значительном количестве ведомственных, изданных МНП актов как «мелочной опеке» над университетами; подчеркивается, что отношения в сфере образования порой требуют детального регулирования (с. 47–48). Обзор учебных программ юридических факультетов, апелляция к зарубежным образцам дали основание утверждать, что отечественная высшая юридическая школа следовала континентальной традиции преподавания права; существенные признаки этой традиции обозначены в работе (с. 58–59). Наряду с оценкой содержания образования, введения предметной системы преподавания, уделено внимание всегда актуальным технологическим аспектам концепции юридического образования. Исследу-

ются причины господства лекционной формы занятий, в их числе указан «примат закона в системе источников права» (с. 68). Приведенное обсуждение профессорами (П. Казанским, В. Юшкевичем, В. Ивановским, Л. Петражицким, Г. Шершеневичем и др.) достоинств и недостатков лекционной методы также стало одним из сюжетов монографии.

Исследователями обобщен значительный пласт проблем, затронутых и в показанных выше работах, связанный с модернизацией (в издании – «профессионализацией») юридического образования. Повышение уровня последней осуществлялось, по мнению авторов, посредством двух взаимосвязанных компонентов: внедрения в процесс обучения практических занятий и введения специализаций (с. 80). Отмечено, что среди причин неудачи разделения юридических факультетов на отделения был «несформированный механизм подготовки кадров в Российской империи. Изначальная идея о том, что выпускники юридического отделения будут поступать на службу в судебное ведомство, а административисты – на государственную службу, не оправдывалась» (с. 86). В отношении практических занятий высказан тезис об их гетерогенности: часть из них носила ярко выраженный научный характер (написание и защита рефератов и сочинений, экзегезы, репетиции, собеседования), другие отличались прикладной направленностью (решение казусов, посещения учреждений, клинические занятия) (с. 99).

Сравнение университетских учебных планов и особенностей учебного процесса с таковыми в специальных учебных заведениях (Училище правоведения, Демидовском юридическом лицее, Военно-юридической академии), отмеченная проблема доступа к юридическому образованию женщин и обзор негосударственного («вольного») высшего юридического образования дополнили картину крепнувшей системы подготовки профессиональных юридических кадров. Подробное описание образовательных стандартов, полагаем, выиграло бы от упоминания проектировавшихся в начале XX в. изменений, обсуждавшихся в нескольких комиссиях по переустройству высшей школы.

Несомненно, значительный интерес представляет анализ второго этапа этой подготовки, т. е. профессиональной стажировки выпускников. Институт кандидатов на судебные должности показан как важнейшая новелла Судебной реформы 1864 г. Этот институт был призван решить задачи обеспечения практической подготовки будущих членов магистратуры и восполнения нехватки квалифицированных специалистов для новых судебных учреждений. Функцией института, как отмечено, должно было стать оказание помощи в адаптации к будущей профессиональной деятельности только окончившим вузы юристам (с. 137). Показано изучение реформаторами зарубежного опыта, а также поэтапное юридическое оформление нового института. Два выделенных авторами этапа (1857–1861 и 1861–1864 гг.) различались как пониманием сути реформы, так и руководящими органами, работавшими над проектами преобразований. В динамике демонстрируется правовой статус кандидатов на судебные должности: его эволюция шла по пути усложнения, увеличения объема прав и обязанностей и усиления дисциплинарной ответственности (с. 152).

Среди проблем, прямо влиявших на численность кандидатов, названы невозможность карьерного роста и отсутствие постоянного денежного вознаграждения за службу. Такое положение вызвало к жизни реформу института начала 1890-х гг., юридически оформленную законом от 24 декабря 1891 г. и последующими циркулярами Министерства юстиции. В ходе реформы было предпринято деление кандидатов на старших и младших, определены сроки кандидатского стажа, предусмотрена разносторонняя стажировка кандидатов, а также гарантировано их материальное обеспечение. Несмотря на «половинчатость» реформы, в частности особенности статуса младших кандидатов, авторами констатировано прогрессивное значение законодательства рубежа веков, завершившего оформление организационно-правовой структуры института кандидатуры (с. 157).

Важной видится постановка задачи рассмотреть формы профессиональной стажировки кандидатов; это вопрос из практической плоскости, урегулированный законодательством в самом общем виде. Авторы описывают как опыт Московской судебной палаты, так и практику провинциальных судов, предлагавшиеся проекты совершенствования подготовки кандидатов (И. Тютрюмова, С. Хрулева), отмечают позитивное значение для стажировки реформы 1891–1892 гг. Серьезные преобразования в военно-судебной части обусловили необходимость рассмотрения особенностей правового статуса кандидатов на военно-судебные должности. Интересно, что он был сконструирован более четко, чем гражданская кандидатура: и по определению сроков кандидатского стажа, и по регулированию численности, и по назначению штатного оклада кандидатам. В работе это напрямую связано со спецификой военного ведомства в целом (с. 188). Исследователи делают вывод, что главная цель нового института (практическая подготовка к дальнейшей службе) была достигнута лишь отчасти, сама практика сделала приоритетной проблему восполнения численности, особенно в провинции, судебных следователей, присяжных поверенных и др. Однако его позитивное значение для новой судебной системы и подготовки юриста-профессионала также очевидно (с. 177–178).

Закljučая презентацию новой книги, отметим значимое уточнение ее авторов, связанное с важнейшей традицией отечественной подготовки юриста-профессионала. Речь идет об опоре на науку, на передачу фундаментальных теоретических знаний (с. 55, 190). Ценность такой органической особенности отмечалась многими современниками описанных в монографии мероприятий. Она, полагаем, вряд ли может быть проигнорирована в ходе нынешних и будущих перестроек.

Позволим себе привести весьма «говорящую» цитату из работы В. М. Гордона столетней давности: «Надо создать у нас практическую школу права не по той причине, чтобы академическая школа не давала готовых к роли судьи юристов; практическая школа должна существовать наряду с школою академическою, если б последняя была даже верхом совершенства. Практической школе место не в университете и не при нем, но у самого очага работы судьи, при судебных установлениях. Отдельно стоящая от школы академической, судебно-практическая школа должна быть лишь в соответствии с первой, равно как и обратно. Это соответствие обязывает деятелей учебного ведомства и юстиции к совместной, согласованной работе по организации у нас отсутствующей у нас практической школы. Инициатива ведомства юстиции должна найти живейшее деловое сочувствие в ведомстве просвещения; организация отдельных школ найдет поддержку со стороны местных деятелей академической школы права»¹.

В завершении обзора вновь хотелось бы оптимистично подчеркнуть, что устойчивый интерес исследователей к традициям юридического образования, формирование ими пространства для плодотворной полемики выступают одной из гарантий (пусть даже малой) ликвидации негативных последствий, нередко сопровождающих большие образовательные реформы.

¹ Гордон В. М. Школа права (По поводу реформы юридического образования в Германии) // Журн. Министерства юстиции. 1913. № 1. С. 137–138.